

**О КАТЕГОРИИ ЛИЧНОСТИ/БЕЗЛИЧНОСТИ В ЯЗЫКЕ
(в русском и кыргызском языке)**

Макала тил илиминдеги жеке жак / бетарап категориясын чагылдырат.

Статья посвящена проблеме категории личности/безличности в языке.

This article describes the problems of personal and impersonal categories.

В лингвистике не раз высказывалась мысль об антропоцентричности языка: для многих языковых значений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета. Антропоцентрический принцип организации текста воплощается в возможности говорящего определить себя в категориях грамматики синтаксиса и морфологии.

Категория личности/безличности – универсальная семантико-синтаксическая категория языка, характеризующаяся отнесением субъекта предложения к какому-либо предмету во внешнем мире и при этом степенью выделенности этого предмета в пространстве и времени.¹

В традиционной грамматике оппозиция личность/безличность часто пересекается с двумя сходными по названию категориями: с категорией одушевленности (личности)/неодушевленности (неличности) и с категорией лица (личности, персональности).

Говорящий эгоцентричен, временные и пространственные параметры он задает сам.

Выбором говорящего определяются модальность, залог и лицо, которые обслуживают коммуникативную функцию языка. Темпоральность, аспектуальность и число связаны с отражением ситуативных условий общения, т.е. с отражением мира в сознании, и обслуживают когнитивную функцию языка. Категория личности/безличности оказывается в наибольшей степени зависящей от выбора говорящего, точнее, воплощающей этот самовыбор самым фактом существования говорящего и произносимой им речи.²

Н.А.Слюсарева отмечает, что универсальная семантико-синтаксическая категория личности/безличности состоит из трех базовых элементов, которые отражают в сознании реальных предметных участников ситуации общения: говорящий – слушающий – предмет речи.³

Категория личности/безличности воплощается в общезыковой и индоевропейских языках в парадигмах личных и притяжательных местоимений и в системе глагольного словоизменения.

Личные местоимения выступают как универсальный разряд прономинальных лексем. Они

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С.271-273.

² Сусов И.П. Формальный и функциональный подходы к языку // Лингвистический вестник. – Вып.2. – Ижевск, 2000.

³ Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л., 1983. – С.93.

имеют место во всех языках мира. Наличие слов, выражающих отсылку на отправителя и получателя информации, обязательно для каждого языка.

Личные местоимения 1-го и 2-го лица занимают особое положение и употребляются по отношению к людям. В языке сфера 3-го лица по типу указания значительно более разнообразна (употребляются как к людям, так и к предметам и явлениям).

Мысль о центральности говорящего в сфере речепорождения и первичности местоименных корней в языке высказывалась учеными неоднократно. Говорящий или пишущий человек является «ядром» всей системы языка.

Термин «личные местоимения» в языкознании используется в узком и широком смысле. В узком понимании им обозначаются только собственно личные местоимения типа кыргызских *мен «я», сен «ты»* и т.д., а в широком понимании к личным местоимениям могут быть отнесены любые местоимения, способные изменяться по лицам (кырг. *озум «я сам», озун «ты сам», озубуз «мы сами»* и др.), лично-притяжательные местоимения (рус. *мой, твой, наш* и др.).

З.К.Дербишева отмечает, что в тюркских языках существует постоянная потребность соотносить любое имя или предмет с лицом: *апам, китебим* и т.д. В основе этой категории лежит идея обладания одного объекта другим. В менталитете тюркского человека изначально заложено стремление подчеркнуть принадлежность и одушевленного объекта, и неодушевленного предмета определенному лицу. Без конкретизации такой принадлежности предметы как бы не существуют. Все вокруг должно кому-то принадлежать. По-видимому, такое состояние в языке, оформленное в грамматическую категорию принадлежности, обусловлено социально-экономическими устоями жизни тюркских народов, которые на протяжении многих веков жили по законам частной собственности, где центральной фигурой был собственник-обладатель. Безотносительно к лицу обладателя не мыслится ни один объект. Эти отношения всегда были принципиально важными в социально-экономической жизни тюрков.⁴

Еще В.В.Виноградов в свое время увидел в грамматической системе русского языка особую категорию, которую он так и предложил назвать «категория состояния», обосновав ее как грамматическую на основании особой семантики и синтаксической функции сказуемого в предложении. (*Девочкам скучно; Во рту горько; Мне сегодня лень; Ему стыдно; В комнате уютно; На улице душно* и т.д). Вследствие контаминации указанных понятий и терминов при описании безличных предложений типа *Тебе не сидится* указывается, что носителем признака здесь является лицо (т.е. антропоним), которое характеризуется по линии категории персональности как 2-е лицо (адресат коммуникации), но глагол при этом стоит в безличной форме, которую, однако, тут же определяют как форму 3-го лица! В общем, как справедливо констатировал П.А.Лекант, имея огромную литературу по проблемам безличности, мы не можем

⁴ Дербишева З.К. Грамматика языка и национальный менталитет.

утверждать, что данная категория всесторонне изучена, что все спорные вопросы решены; напротив, их становится больше.⁵

В ряду типов категории личности/безличности наиболее контрастно личный, индивидуальный, определенный, выраженный обязательно и в некоторых языках более чем один раз – в подлежащем и в показателе глагола-предиката (например, рус. *Я говорю*, кырг. *Мен айтып жатамын*) и предложения безличные, обозначающие нелокализованные явления природы, субъект которых всегда неличный, неиндивидуальный, неопределенный и невыраженный – подлежащее отсутствует (например, рус. *Холодно*, кырг. *Суук*, *Знобит*, кырг. *Чыйрыгып жатам*, *Чыйрыктым*). Это противопоставление является градуальным, т.е. между его крайними членами возможно некоторое, разное в разных языках, количество промежуточных членов.

Причины существования безличных конструкций в системах различных языков давно служат предметом споров синтаксистов, лингвокогнитологов и лингвокультурологов. Особенно много написано о пристрастии русских к бесподлежащим и безличным способам выражения различных типовых значений.

Личность и безличность рассматривались в языкознании многими ведущими лингвистами прошлого и настоящего. Исследователи анализируют явление личности/безличности на синтаксическом уровне, в то время как данная категория реализуется на разных языковых уровнях (семантическом, морфологическом, синтаксическом).

Несмотря на большое количество исследований, нерешенными (или не до конца решенными) остаются вопросы, связанные с объемом понятий категория лица, категория личности/безличности, категория персональности, не вполне изучены и систематизированы средства референции личности/безличности. Само количество понятий и их неоднозначное толкование свидетельствуют о том, что проблема актуальна. Как справедливо констатировал П.А.Лекант, «мы не можем утверждать, что данная категория всесторонне изучена, что все спорные вопросы решены; напротив, их становится больше».⁶

Рассмотрим семантико-синтаксическую организацию и функционирование безличных конструкций на фоне двух разноструктурных языков – русского и кыргызского.

Сопоставив русские и кыргызские предложения типа *Светаает – Тан ата баштады*; *Холодно – Суук*; *Меня тошнит – Конулум айланды* можно увидеть в развитии русских безличных предложений прогрессивную тенденцию к объективированию содержания за счет структурного развития русского синтаксиса, тенденцию, которая не свойственна современному кыргызскому языку. В тех случаях, когда в русском языке употребляются безличные синтаксические модели, в

⁵ Лекант П.А. К вопросу о категории безличности в русском языке // Тенденции развития грамматического строя русского языка. – М., 1994.

⁶ Лекант П.А. К вопросу о категории безличности в русском языке // Тенденции развития грамматического строя русского языка. – М., 1994.

кыргызском языке имеют место личные формы: *думается, что – менимче (менин ойюм боюнча); есть охота – ач калдым; холодает – суук болуп кетти; мне холодно – ушуп кеттим; мне не спится – уйкум келбеди (уйкум качты)*. Отсюда делается вывод о том, что в кыргызском языке человек берет на себя и действие, и ответственность за него, а в русском языке и действия, и ответственность безличны, индивидуум растворен в коллективе, в природе, в стихии, в неизвестных, необозначенных силах.⁷⁸

Подобные умозаключения, несомненно, базируются на лингвокультурологическом анализе конкретных языковых фактов, но некоторые обобщения представляются нам применимыми не ко всем типам русских безличных высказываний. Иногда причины такой организации предложений следует искать и в чисто грамматических особенностях русского языка, вытекающих из его типологической характеристики как языка преимущественно флективного и синтетического.

Нужно отметить, что при отнесении предложения к классу личных или безличных мы ориентируемся не на номинативную природу или персональную характеристику его субъектного актанта, а на форму глагола (связки), которая может быть личной, неопределенно-личной или безличной.

Сталкиваясь с разнообразием русских безличных конструкций, не имеющих прямых эквивалентов во многих других языках, ученые, главным образом иностранные, склонны искать причины этого явления не в истории и системе самого языка, а в экстралингвистических факторах: специфических культурных традициях, своеобразии менталитета русского народа и т.п.

Соотношение категорий личности и безличности Н.Д.Арутюнова показывает в противопоставлении личных и безличных предложений. Субъект личного предложения, по ее мнению, соединяет в себе две роли – агенса и источника силы (каузатора и исполнителя действия). В безличных предложениях эти роли, напротив, разведены. Личные предложения антропоцентричны, безличные энергоцентричны. В личных предложениях основной фигурой является человек, в безличных – некоторая сила, локализуемая вне или внутри человека. Сила остается за кадром: она представлена как неконтролируемые, произвольные действия и может выражаться как семантикой глагола, так и синтаксической безличной конструкцией. Произвольными могут быть физические, психические и психофизические действия: кашлять, чихать, краснеть; плакать, смеяться; споткнуться, подскользнуться; ошибиться, растеряться. Они выражаются глаголами в личных конструкциях: *Я кашлянул. Я засмеялся. Я растерялся.*

Таким образом, в русском синтаксисе для выражения определенной семантической структуры часто имеется возможность выбора той или иной конструкции.

Ср., например: *Вчера он не спал (не мог спать) – Вчера ему не спалось.* В личном

⁷⁸ Тер-Минасова С.Г. “Я” и “Мы” в культурах и языках // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. – Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: Сборник докладов. Т. II. – СПб.: Политехника, 2003.

предложении субъект предстает как более активный, “сознательный” – не спал, потому что не хотел или не мог. В безличном предложении субъект получает своеобразную характеристику: не спал из-за каких то неназванных причин.

В кыргызском языке для передачи подобных значений приходится использовать личные предложения:

Вчера ему не спалось → Ал кечээ уктай алган жок // Анын кечээ уйкусу келген жок. Ср. также: *Сегодня мне не работается → Мен бугун иштейалбадым (жумуш жасагым келген жок).*

Сопоставительные исследования в данной сфере показывают, что многим русским безличным предложениям в кыргызском языке соответствуют личные вербальные предложения или даже предложения других частеречных типов, например:

Меня тошнит – Конулум айланды // Кускум келди; Из дома повеяло сыростью — Уйдун ичинен нымдуулук сезилип жатты; У меня есть кое-какие деньги – Менде бироз акча бар; У меня с собой денег нет – Жанымда акчам жок.

Итак, в современном русском языке личность/безличность выступает как полифункциональная оппозиция грамматических форм, во многом определяющая своеобразие устройства простого предложения. Именно полифункциональностью данной категории объясняется дискуссионность интерпретации ее различных проявлений в русском синтаксисе и трудность усвоения этих форм кыргызами.

Список литературы

1. Лингвистический энциклопедический словарь 1990. – С.271-273.
2. Сусов И.П. Формальный и функциональный подходы к языку // Лингвистический вестник. – Вып.2. – Ижевск, 2000.
3. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л. 1983. – С.93.
4. Дербишева З.К. Грамматика языка и национальный менталитет.
5. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
6. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л., 1978.
7. Копров В. Ю. Сопоставительная типология предложения. – Воронеж, 2000.
8. Лекант П.А. К вопросу о категории безличности в русском языке //Тенденции развития грамматического строя русского языка. – М., 1994.
9. Тер-Минасова С. Г. “Я” и “Мы” в культурах и языках // Русское слово в мировой культуре //Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. – Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. Т. II. – СПб.: Политехника, 2003.

